

Если предварительно суммировать наблюдения над поэтическим синтаксисом Кантемира, а именно над теми его чертами, которым он сам в комментариях придавал значение, то вывод можно сформулировать примерно следующий. Кантемир создает в сатирах принципиально новый поэтический синтаксис, ориентированный на классическую поэзию и использующий ее средства, благо именно славянские языки позволяют это осуществить. Имитируя латинский стих, Кантемир с небывалой в предшествующей истории русского стиха интенсивностью использует инверсии,⁵ переносы и другие приемы (оборот асс. + inf., одно отрицание или нечастые ранее риторические фигуры, как хиазм и гипербат), сознательно усложняя от редакции к редакции свой стиль. Он не только пишет «с трудом», но и трудно — чтение его поэзии это труд, требующий интеллектуальных усилий.

Прекрасно осознавая свое новаторство, Кантемир все же оставался реалистом: таким стилем написан не весь текст сплошь, это тенденция, явно ощутимая и подчеркиваемая в примечаниях. В примечаниях же она и объясняется: чтобы новация была усвоена, она должна быть понятна (ср.: «Хвально в стихотворении употреблять необыкновенные образы речения и новизну так в выдумке, как и в речении искать; но новость та не такова должна быть, чтоб читателю была невразумительна» — 177). И вообще, любая новация в своем конкретном воплощении всегда результат не только конфликта, но и компромисса с существующей традицией. В этом же направлении в это же время экспериментировал В. К. Третьяковский, который учился у тех же учителей в Славяно-греко-латинской академии. Но он экспериментировал безоглядно и бескомпромиссно. В результате его ранние стихи, особенно в переводе «Аргениды»,⁶ трудны для восприятия. Мету стиля он усвоил позднее.

Несмотря на приводившиеся, а также многие другие примеры сложного поэтического синтаксиса Кантемира, требующие грамматического разбора для полного их понимания, неоспоримым является и то, что читатель, хоть сколько-то начитанный в литературе XVIII в., понимает сатиры Кантемира без усилий. Они не производят впечатления ученой поэзии (хотя, на мой взгляд, именно таковой являются). Каковы причины такого восприятия? Одна из них чисто технического свойства: по типографским причинам и вопреки пожеланиям Кантемира примечания никогда не читаются вместе с текстом сатир. Между тем примечания, напечатанные сразу под комментируемым

⁵ На свободной порядок слов у Кантемира, заимствованный из латинской поэзии, обратил внимание Д. И. Чижевский (см.: *Čiževskij D. History of russian literature: From the eleventh century to the end of the Baroque. The Hague, 1960. P. 395*). Другую трактовку синтаксиса Кантемира см. в кн.: *Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958. С. 289—294*. Следует указать, что одинарное отрицание фактически является церковнославянизмом, отмеченным как верная форма в грамматике Мелетия Смотрицкого, — см.: *Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). München, 1987. С. 212—213*.

⁶ См.: *Николаев С. И. Ранний Третьяковский: (Первый перевод «Аргениды» Д. Баркляя) // Рус. литература. 1987. № 2. С. 95—96*.